

УДК 1/14

СОЦИАЛЬНОЕ ОТЧУЖДЕНИЕ КАК ПРЕДМЕТ ПСИХОАНАЛИЗА

А.Б. Лебедев, А.И. Гатауллин

Аннотация

В статье рассматривается социально-экономическая мизансцена XX века, в условиях которой происходит трансформация феномена отчуждения. Психодинамическое отчуждение субъекта (Ж. Лакан) связывается с феноменом экономического отчуждения в его постмодернистской версии. Критически раскрываются особенности идеологического фантазма.

Ключевые слова: фрустрация, общество потребления, отчуждение труда, идеология, Воображаемое, фантазм, симптом.

Известный французский психоаналитик и философ, автор «структурного психоанализа» Жак Лакан (*Lacan*) заметил интересный момент в ситуации интервьюирования пациента психоаналитиком: у первого практически всегда в той или иной степени в речи возникает фрустрация, причем независимо от того, молчит аналитик или говорит, даже если он отвечает утвердительно и поощрительно на вопросы собеседника. Более того, в последнем случае фрустрация гораздо сильнее, чем в первом.

Лакан задумался над тем, что, возможно, фрустрация коренится в самом дискурсе субъекта (см. [1, с. 20]). Создается впечатление, что субъект всё более отлучается от «своего собственного существа». Его (субъекта) честная попытка описать самого себя, уточнить и укрепить свой статус привела в конечном итоге к признанию того факта, согласно которому он как некоторое «существо» является всего лишь его собственным созданием в сфере воображаемого, лишенным экзистенциальной достоверности. Таким образом, создавая себя для другого, субъект открывает своё изначальное психоаналитическое отчуждение от собственной сути, осознаёт неизбежность своего похищения этим «другим».

На наш взгляд, Лакан не просто обратил наше внимание на особенности психоаналитической практики, а помог социальным теоретикам вскрыть глубинные основы последней на данный момент исторической формы отчуждения, когда, согласно другому французскому мыслителю (Жану Бодрийяру), классическая теория потребностей теряет смысл, потребительская стоимость подменяется меновой, рыночной, подпадая далее под власть знака, «монополии кода».

Система меновой стоимости возникает как закономерное следствие особенностей процессов абстрактного общественного труда. Но гипотеза Бодрийяра состоит в том, что абстрактный общественный труд эквивалентен системе

потребностей, на которой потребительная стоимость и базируется (см. [2, с. 179]). Однако та или иная система может существовать лишь в том случае, когда её элементы действуют и управляются по одной логике, названной Бодрийяром кодом, который сводит в одно, на первый взгляд абстрактное, эквивалентное поле как предметы, так и субъекты и их взаимоотношения друг с другом. Данное положение, по сути, и объясняет явление фетишизации стоимостей потребительной и меновой, что в совокупности описывает фетишизм товара.

Конечно, изначально было бы нелогично полагать, что человек имеет возможность осуществить самого себя, реализовать свою творческую родовую сущность в своих потребностях или же предметах, обременённых меновой стоимостью (в ином случае речь шла бы о стоимости потребительной). К сожалению, истина заключается в совсем ином тезисе: человек, окружённый товарами и системой меновых стоимостей, представляет собою не что иное, как меновую стоимость и товар.

«Окружённый предметами, которые функционируют и “служат” ему, человек становится просто самым красивым из функциональных служебных предметов» [2, с. 187]. Более того, не только сам единичный представитель Homo oeconomicus принижается в процессе капиталистического производства до статуса потребительной стоимости, но и собственно взаимоотношения между социальными субъектами и, что более трагично, отношение индивида к самому себе в рамках уже постсовременного общества не просто приобретают оттенок утилитаризма, а скорее представляют собой принцип полезности и функционирования.

Крайне важно помнить, что производство тех или иных благ формирует не только людей, способных их потребить, но также и саму потребность как таковую. Оно становится фактообразующим элементом, шаблоном для процесса социального рождения субъекта, по образу и подобию которого данное социальное «существо», прекратив отношения с символическим обменом и в очередной раз «расколдовав» таким образом мир, автономизируется, экстраполируя своё в известном смысле рациональное желание и отношение на других участников социального действия в терминах полезности и утилитарности.

Если следовать рассуждениям Бодрийяра, получается, что тот или иной объект становится единством знака и товара, где знак провоцирует отчуждение самости, стоимости, смысла (означаемого) и референта, а значит, и реальности вообще. Таким образом, мир и реальность представляют собой лишь отражения означающего, его своеобразные фантазматические модусы [2, 3]. Как известно, здесь отчуждение и входит в свою финальную стадию, когда цензура знака вытесняет всё экзистенциально важное.

Говоря об обществе потребления, Ж. Бодрийяр отмечает, что само потребление представляет собою функцию, выполняемую индивидами в угоду логике системы (см. [3, с. 77]). Иначе говоря, потребление не есть освобождающая индивида и освобожденная обществом изобилия потребительная сила, а напротив, это производительная сила, необходимая для выживания и воспроизводства самой системы. Потребление существует лишь постольку, поскольку сама система имеет в нем потребность. Более того, существует систематическое принуждение к потреблению наподобие паноптических техник под знаком выбора и свободы, идеологически противопоставляемое процессу труда как принцип удовольствия

принципу реальности. Потребление существует подобно формальной свободе труда, то есть лишь в абстракции некой системы, которая основывается на «свободе» потребителя выбирать, а сам потребитель, следовательно, становится коннотативным винтиком системы, составляя ее «молчаливое большинство».

Товар представляет собой единство потребительной и меновой стоимостей, критикой и анализом которых занимается политическая экономия. Таким же образом следует действовать критике политической экономии знака в своих стремлениях проанализировать знак или форму и в качестве коннотативного означающего, и в качестве денотативного означаемого.

Итак, здесь налицо описанный еще Марксом [4] процесс отчуждения рабочего от своего труда, превращение конкретного труда в абстрактный, но в данном случае главную идеологическую роль играет уже понятие потребности, маскирующее объективную реальность потребности – производительной силы.

Бодрийяр обнаруживает эксплуатацию производительных сил уже во второй ее модальности, в форме пресыщенного знаками потребителя (марксисты, как известно, были склонны считать потребление скорее прибежищем человеческой свободы). «Если бы для порядка производства существовало какое-нибудь средство обеспечить выживание индивида в предыдущей форме, то есть форме грубой эксплуатации, никогда никакие потребности не появились бы. Пока это возможно, потребности подавляются. Когда же это необходимо, потребности возбуждаются в качестве средства подавления» [2, с. 100].

Необходимо упомянуть, что современная идеология (*пост-идеология* в терминологии постмодернизма), вовсе не являясь ложной формой сознания при этом будучи до-сознательной, коннотативной и паразитарной, стремится захватить эту монополию кода. «Омега» такой идеологии заключается в достижении полной рационализации и обобщения, полной колонизации всех уровней знакового кода. Результатом является трансформация идеологии в постоянно исчезающий остаток денотата, поэтому можно сказать, что идеологии самой по себе уже нет, есть только ее симуляция, автономный «симулякр», воспроизводящий и транслирующий смыслы, не адекватные реальным событиям, не поддающиеся однозначной оценке.

Безусловно, мало кто будет спорить с тем фактом, что современное общество радикально отличается от всех предшествующих форм человеческого существования. Говоря метафорично, люди вступили на необитаемую территорию, которая в культурном отношении считалась непригодной для жизни. Былая сбалансированность между общественным и частным ныне элиминирована. Верно также и утверждение, согласно которому общественное вторглось на территорию частного, но верно и обратное: на протяжении всего XX века происходило тщательное переосмысление отношения между субъектом и структурой.

Налицо эпистемный сдвиг мировых масштабов. История объявляется случайностью. Представим, что неолитическая и промышленная революции представляют собою лишь одновременную игру на нескольких рулетках. Именно компоненту случайности привносит в историю структурный анализ. Однако культурно-исторические сдвиги возможны благодаря случайным математическим комбинациям, которые образованы усилиями игроков на нескольких рулетках, то есть представителей нескольких обществ. «Управление событиями

не должно рассматриваться в причинно-следственном плане, а в плане сериального и непредсказуемого» [5, с. 196–197].

Структура оказывается полностью предоставлена самой себе, освободившись от субъекта. Она потеряла то, что определяло ее как структуру – «объективные координаты организации» (Андерсон). Таким образом, структура «опрокидывается» в свой антитезис, создавая возможность для рождения постструктурализма, или субъективизма без субъекта. «Смерть» субъекта («смерть автора», «смерть человека») оставляет субъектность в качестве основы: субъекта больше нет, однако необузданная субъективность осталась.

В данных социальных условиях некоторые весьма любопытные метаморфозы пережило понятие труда как такового. То, чему обязан своим появлением современный нам капитализм, на первых этапах его развития было центральным для жизни индивида в не меньшей степени, чем храмы в городах доиндустриальной эпохи. Ценность жизни индивида определялась именно трудом либо критериями, связанными с ним. Каждый человек позиционировал себя, исходя из своей профессии.

Таким образом, труд занимал центральное место как на индивидуальном, социальном уровне, так и на системном уровне, представляя собою ключевую сцепку социального «узла Борромео»: соединял индивидуальную мотивацию, социальную интеграцию и структуру управления системой в целом (см. [6, с. 97]). Но будущее застало труд в несколько иных социальных очертаниях: наблюдается его второстепенность в биографии индивида, отсутствие конкурентности с личностной автономией, самоуважением, досугом и, что самое главное, с радостями материального потребления.

Обратим внимание на феномен свободы, который открыло либеральное Новое время. Налицо социально-экзистенциальный парадокс, когда свободные по природе индивиды, но пока ещё не социальные субъекты, начали осознавать свою новую идентичность. Суть парадокса в том, что в обществе, члены которого начинают осознавать себя свободными, появляется ещё большая необходимость в создании принципиально нового аппарата управления и поддержания порядка; зарождающийся истеблишмент, очевидно, требовал обновления в сфере системного управления.

Более того, возникла необходимость появления не только таких дисциплин, как социология и социальная философия, но и так называемой «социологии несвободы», одними из ключевых обязанностей которой являлись также поиск и анализ тех причин, исходя из которых ныне свободные индивиды продолжали действовать по уже типичным клише и императивам, то есть регулярным образом (см. [6, с. 17]).

Так, в связи с изменением истеблишмента и особенностей процесса труда претерпел изменения и феномен свободы, ставший своего рода отдушиной, единственной естественной компенсацией за абстрактный обезличенный труд. Если ранее имела место некоторая необходимость в принуждении к труду, то ныне подобной необходимости нет, ибо, когда самостоятельный индивид намерен «прорваться» из принципа реальности к принципу удовольствия (который сейчас вовсе не подавляется) в попытках слиться с Реальным своего желания, необходимость принуждать его к труду попросту отпала. Реальность перестала

быть врагом потребителю в тот момент, когда индивид добровольно приступил к самоотчуждению своих родовых творческих сил во имя потребления и в погоне за удовольствием.

Поистине ирония истории: кому с такими «обязанностями» теперь нужны права? Созданный обществом-садовником новый потребительский рынок, успешно отвлекавший человека от политического управления, любого автономного политического действия, стал приманкой для масс. И свобода здесь – «обязанность» потребителя, зависящая от наличия эффективного рынка и аппарата управления им.

На наш взгляд, интересной концепцией, отражающей структуру общества в ключе свободы/обязанности потребления, является модель так называемого «Паноптикума» Иеремии Бентама – проект идеальной тюрьмы или надзирательного дома, где власть имущие интересуются не тем, что люди думают, а тем, что они делают. Нонконформизм здесь легко обнаруживается и устраняется, а свобода распределяется селективно, подобно капиталу (см. [6, с. 43]). При этом свобода (в понимании Бентама) представляет собою факторообразующую компоненту в системе производства и воспроизводства общественной жизни, обеспечивающего рациональность социальной системы. Постсовременная свобода социального субъекта, подвергшегося отчуждению и фетишизации в их второй исторической модальности, связана с заведомо травматичным, по Лакану, индивидуализмом, а также рыночной экономикой в её уже постиндустриальной версии.

Свобода индивида возникает из какофонии интересов, «не-детерминированности», децентрации Эго. Конечно же, идентичность социального субъекта страдает от этой сверх-социализации. Отсутствие всеобъемлющей нормы, неспособной предоставить и навязать однозначный паттерн, создает необходимое анонимное задание социальному субъекту, его индивидуальности: этот субъект должен постоянно заботиться о собственной отличимости. В вихре хаотических впечатлений, постоянно поставляемых СМИ, личность может надеяться только на собственную идентичность.

Итак, потребительский рынок очень скоро стал очередной формой контроля, причем контролируемые теперь уже в полной мере социальные субъекты соглашаются с ней и принимают ее с ликованием. Свобода предлагается всем тем, кто в большинстве сфер своей жизни встречает лишь запреты, и любое запроектированное «Я» на рынке легко может быть реализовано посредством знаков, предлагаемых рыночной логикой (см. [6, с. 83]). Только таким образом представитель общества постсовременности может стать рациональным, ибо ныне декартовская формула приобрела иное звучание: потребляю, следовательно, существую.

В рамках проблемы (или теории) идентичности есть весьма интересное, на наш взгляд, понятие – коллективная идентичность. Это ощущение тождества с некой общностью (социальной, религиозной, национальной и т. д.) или, как пишет Хёсле, с «коллективной реальностью» (см. [7, с. 121]). И теперь, вспомнив заметки Лакана и связав их с современными социально-экзистенциальными реалиями, которые уже упоминались, мы вправе задать вопрос: можно ли вычленивать социального субъекта как чистый, свободный феномен *сам по себе*, будто пропуская его сквозь «игольное ушко» феноменологической редукции? Существует ли *modus operandi* для удовлетворения данной философской амбиции?

Славой Жижек отметил, что нескрываемая фальшивость и циничность положения идеологии (понимаемой в самом широком смысле – как общее, тотальность, система) напоминает аналогичную фальшивость позиции, занимаемой психоаналитиком [8]. К нему приходит пациент, проявляющий чистые симптомы, в которых бессознательное «не запачкано» рациональным сознанием. Такой была ситуация примерно до середины XX века. Такой же была ситуация и в поле идеологии, большинство «пациентов» которой были абсолютно наивны. Сейчас же любой человек может познакомиться с психоаналитической теорией. И современный пациент, придя к доктору, прямо воспроизводит теорию словами: «У меня невроз навязчивых состояний».

Происходит наложение симптома на интерпретацию пациентом своего недуга, и больной теряет былую невинность. Так и современный социальный субъект прекрасно знает, что делает, и продолжает это делать. Хороший пациент знает совершенно точно, почему у него невроз навязчивости, и продолжает при этом оставаться навязчивым невротиком. И такое знание только создает благоприятные условия для этого невроза. Таким образом, теория конституирует так называемую непосредственную психическую реальность субъектов.

Что касается точки зрения аналитика в данной ситуации, то для него интерпретация симптома пациентом ничем не отличается от предъявляемого им симптома и в некотором смысле является даже ещё большим симптомом, тем или иным симптоматическим действием, которое может отражать явные психические расстройства. Но в некоторых случаях последние могут лишь репрезентировать своеобразное Я, не имея по сути никакого психопатологического значения: если пациент придаёт своим высказываниям, догадкам статус интерпретации, то это вовсе не значит, что аналитик делает то же самое. Очевидно, что для последнего любой вербальный акт, любое речевое проявление пациента – его симптом. Таким образом, речь невротика, пусть даже в начале лишь потенциального, не имеет клинического значения. Интерпретация данной ситуации находится по ту сторону профессиональной демаркационной линии, по ту сторону озвученного знания, ведь в противном случае сам анализ был бы невозможен.

Фрустрация, о которой шла речь ранее, вовсе не является фрустрацией желания субъекта, но она есть фрустрация, вызванная самим объектом (системой, обществом, идеологией в нашем случае), в котором его желание отчуждено. При этом чем четче этот объект «оформляется», чем более структурированным и мощным он становится, тем больше усугубляется отчуждение субъекта от его собственного наслаждения. И наше призвание как социальных «психоаналитиков», как «санитаров» социальной теории заключается в том, чтобы лишить субъекта, это массовидное тело общества, уверенности в абсолютной нормальности происходящего.

Единственный доступный для нас объект исследования – Воображаемое, или фантазматическое взаимоотношение социального субъекта с постсовременной социальностью.

Фантазм (*phantasme*) представляет собою некую ригидную конструкцию, не способную быть проанализированной, истолкованной; любое порождение воображения, посредством которого «Я» пытается избежать нежелательного

принудительного воздействия внешней предметной и внутренней психической реальности, в данном случае отчуждаясь от своей собственной субъектной экзистенциальной сути. А нам как можно раньше предстоит сделать решительный шаг в анализе общественного фантазма, дистанцироваться от него, понять, каким именно образом образование фантазма восполняет, скрывает некоторую пустоту, нехватку, как культивирует феномен отчуждения.

Необходимо отметить, что, согласно концепции Жака Лакана, субъект всегда и а priori травматичен, расколот, отчуждён. Это проявляется даже в преждевременности рождения субъекта (здесь речь идёт об анатомической незавершённости нервной системы младенца, который представляет собою нечто вроде продолжения материнского тела). Для того чтобы отделить себя от окружающего мира, автономизироваться, ему необходимо осуществить «схватывание» себя и частей своего тела посредством зеркального образа («стадия зеркала»). И лишь после данной процедуры ребёнок сможет учиться выполнять свои социальные функции в полной мере.

Однако с этого момента отчуждённость субъекта, его расколотость только начинается. Как известно, в качестве фундаментального антропологического начала Лаканом полагается травма как следствие разрыва с Реальным¹, радикальной децентрированности субъекта и его опредмеченности в символе. Однако успешность психоаналитической процедуры заключается как раз в том, чтобы субъект идентифицировал себя со своим симптомом, с Реальным своего симптома.

Лакан осуществил своего рода универсализацию данного понятия: «почти все стало рассматриваться им как симптом» [9, с. 77]. В качестве примера следует привести извечный философский вопрос: почему вместо «ничто» существует «нечто»? Это «нечто» и есть симптом «ничто». Лаканом в той или иной степени была осуществлена успешная попытка абсолютизации означающего, однако следует уточнить, что он не только не принимает в расчет объективный мир, но и утверждает, по Жижеку, что не существует ни мира (как совокупности объектов), ни языка, ни субъекта. Поэтому субъект был обозначен как «\$» – перечеркнутый, заблокированный, «пустое, незанятое место в структуре означающего» [9, с. 77].

Что же существует и придает существующему устойчивость? Только симптом как субстанция наслаждения, реальное ядро, вокруг которого структурируется взаимодействие коннотатов. Симптом проявляется в случае, когда мир сбивается с ритма, это не только зашифрованное сообщение. Для субъекта это одновременно еще и способ организации своего наслаждения (поэтому вполне логично, что после даже верного его истолкования субъект оказывается не в силах отказаться от своего симптома).

Итак, «анализ подходит к концу, когда пациент способен распознать в Реальном своего симптома единственное основание своего бытия» [9, с. 80]. Субъект должен идентифицироваться со своим симптомом, с той точкой, где симптом «обрёл себя». Но если это произойдет с социальными субъектами в поле идеологии, действительной целью которой является внушить систему ценностей,

¹ Реальное, Символическое, Воображаемое – три психические инстанции в концепции Лакана.

незыблемость собственной идеологической конструкции, то она перестанет работать: «Субъекты идеологии, “путники, заблудившиеся в лесу”, должны скрывать от самих себя, что “первоначально всего лишь случайность побудила их избрать направление”, они должны быть уверены, что их решение совершенно обоснованно, что оно ведет их к Цели» [9, с. 89].

Разоблачение идеологии откроет фантазматическое наслаждение, скрывающееся в ней, то есть выяснится, что идеология служит только своим собственным целям, подобно «наслаждению» Лакана. Таким образом, единственный способ преодолеть идеологическую иллюзию – встретиться с Реальным нашего желания и разгадать его.

Идеология постсовременности может совершенно цинично позволить себе не скрывать особенности и технологию своего функционирования и после этого продолжить действовать с не меньшим успехом и результативностью. Ее разоблачение не отразится на эффективности, ибо люди уже «заражены» вирусом изобилия. Критика идеологии должна сейчас заниматься изоляцией данной черты власти. Нынешняя позиция субъекта отмечена стремлением к достижению определённого *status quo*, при котором привлекательность мира обретёт черты идиосинкразивные. Безусловно, человек сталкивается с данной абсурдной позицией именно в обществе современного постмодернистского изобилия, где культивируется социальная «тупость» субъекта.

Жак Лакан уделял особое внимание дискурсу, беседе с пациентом. Каким бы незначительным дискурс ни казался на первый взгляд, он таков лишь на поверхности, ибо, даже ничего не сообщая, дискурс уже утверждает существование коммуникации. Необходимо трансформировать субъекта в нечто, что хайдеггерианским языком можно было бы назвать *gewesend* – «сущий тем, кто таким-то образом был» [1, с. 26], то есть заставить человека припомнить все его прошлые «присутствия», даже если они вовсе не будут истинными в строгом понимании. Здесь мы столкнемся с реальностью того, что не является ни истинным, ни ложным.

Психоаналитический анамнез, история, воссозданная субъектом в речи, адресованной другому человеку, ментальная абсорбция этой собственной речи являются основой психоанализа Фрейда. Диалог можно считать фактообразующим элементом в крайне важном процессе восстановления непрерывной линии мотиваций поведения субъекта, историзации фактов его существования. Вспоминая забытое, субъект сталкивается с причиной той самой иллюзии, в плену у которой он оказался. В связи с этим Лакан удачно приводит известный афоризм Ларошфуко: «Есть люди, которые никогда не влюблялись бы, если бы ничего о любви не слышали» [1, с. 33].

Симптом сконструирован подобно языку. Собственно, он и есть язык как речь, которой предназначено быть освобождённой. Таким образом, при анализе речи, языка разрешается и проблема симптома, ибо задача психоанализа в целом – воцарение толики реальности в голове субъекта. Возможно, именно беседа, методичное словесное упоминание события и вызовет своего рода социальное исцеление массовидного тела современного нам общества, подобно «разговорному лечению» Анны О.¹

¹ Анна О. – пациентка Йозефа Брейера и Зигмунда Фрейда.

Summary

A.B. Lebedev, A.I. Gataullin. Social Alienation as a Subject of Psychoanalysis.

The article contains essential illustrations of the social and economic situation in the 20th century, when alienation phenomenon was being transformed. Psychoanalytical alienation (Lacan) is correlated with economical alienation in its postmodernist version. The ideological phantasm becomes a subject of critical analysis.

Key words: frustration, consumer society, alienation of labor, ideology, the Imaginary, phantasm, symptom.

Литература

1. *Лакан Ж.* Функция и поле речи и языка в психоанализе. – М.: Гнозис, 1995. – 192 с.
2. *Бодрийяр Ж.* К критике политической экономии знака / Пер. с фр. – М.: Академ. Проект, 2007. – 335 с.
3. *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 96 с.
4. *Маркс К.* Отчужденный труд // Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – М.: Политиздат, 1974. – Т. 42. – С. 41–174.
5. *Андерсон П.* Структура и субъект // Размышления о западном марксизме; На путях исторического материализма. – М.: Интер-Версо, 1991. – 272 с.
6. *Бауман З.* Свобода. – М.: Новое изд-во, 2006. – 132 с.
7. *Хёсле В.* Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопр. философии. – 1994. – № 10. – С. 112–123.
8. *Жижек С.* Власть и цинизм // Кабинет: Картины мира I / Под ред. В. Мазина. – СПб.: Инапресс, 1998. – С. 162–174.
9. *Жижек С.* Возвышенный объект идеологии. – М.: Худож. журн., 1999. – 236 с.

Поступила в редакцию
25.09.09

Лебедев Алексей Борисович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии и культурологии Казанского государственного университета.

E-mail: *Lebedev-Alexei@yandex.ru*

Гатауллин Адель Искандэрович – аспирант кафедры социальной философии и культурологии Казанского государственного университета.

E-mail: *Katavary@yandex.ru*